

A classical oil painting of John Locke, showing him from the chest up. He has long, dark, wavy hair and is wearing a dark coat with a light-colored, patterned cravat. He is looking slightly to the right of the viewer with a calm expression. The background is dark and indistinct.

АНАТОЛИЙ ЯКОВЛЕВ

**ЗАВЕЩАНИЕ
ДЖОНА ЛОККА,**
приверженца мира,
философа и англичанина

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНСТИТУТА
ГАЙДАРА

Анатолий Яковлев

**Завещание Джона Локка,
приверженца мира,
философа и англичанина**

«Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара»

2013

Яковлев А.

Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина / А. Яковлев — «Институт экономической политики имени Е.Т. Гайдара», 2013

Книга посвящена анализу контекстов произведений английского мыслителя Джона Локка (1632–1704), публиковавшихся при его жизни анонимно и названных им «своими» только в завещании: «Два трактата о правлении», «Послание о толерантности» и «Разумность христианства». Высказывается гипотеза о том, что утраченная «средняя» часть «Двух трактатов» была посвящена вопросу о толерантности. Вместо этой пропавшей части друзья Локка опубликовали памфлет «*Epistola de Tolerantia*», а затем его перевод на английский язык. Тезис об отделении церкви от государства как важнейшем требовании христианства — в центре политической мысли Локка. В «Разумности христианства» Локк рассуждает о преодолении раздора среди христиан, предлагая свободные от слепого следования «системам» и необходимые для личного спасения принципы искреннего чтения и понимания Священного Писания. Для широкого круга читателей, интересующихся интеллектуальной и политической историей Европы второй половины XVII в.

© Яковлев А., 2013

© Институт экономической политики
имени Е.Т. Гайдара, 2013

Содержание

Предисловие	5
Часть I «Два трактата о правлении»	9
Завещание, кодицилл и поправка Де Мезо – Коллинза	9
Шефтсбери и «кризис исключения»	21
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Анатолий Яковлев

Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина

Предисловие

ВЕСНОЙ 1973 г. мне довелось побывать в Йоркском университете в Торонто (Канада) и встретиться с профессором Джоном Уильямом Иолтоном. Ректор университета представил его как крупнейшего специалиста по Джону Локку, хотя сам Иолтон отреагировал на эту рекомендацию легкой улыбкой. Нам удалось поговорить. Мне тогда было двадцать лет, и я был студентом философского факультета Московского университета. Иолтон спросил меня, слышал ли я что-нибудь о Локке, и когда я ответил, что Локк – один из моих любимых философов, был очень этим удивлен. «Что же Вам так нравится в Локке? – спросил он. – Наверное, его политические идеи?» И еще больше он удивился, когда я ответил, что меня интересует его теория познания.

По окончании встречи Иолтон подарил мне две недавно вышедшие книги о Локке: одна из них была написана им самим, а вторая представляла собой сборник статей разных авторов. Эти книги пролежали на полке почти 34 года, пока наконец не «выстрелили», как рано или поздно выстреливает известное ружье. Ранее я несколько раз пытался читать эти тексты, но всякий раз спотыкался о собственное полное непонимание подходов и идей крупнейших – как я теперь понимаю – локковедов конца 1960-х гг., т. е. первого послевоенного поколения исследователей Локка и их неформального лидера Джона Иолтона.

В 2007 г. в моей жизни наступил момент, когда книги, подписанные Иолтоном, послужили делу, для которого они были предназначены. Мое «непонимание» локковедов оказалось эвристически важным элементом всей проделанной с тех пор работы. Во-первых, это непонимание заставило составить подробную библиографию. Сегодня в ней более двух тысяч названий, и она, разумеется, остается неполной, однако сам этот этап исследования позволил увидеть и объем первичной и вторичной литературы, и ее разброс во времени с конца XVII до начала XXI в., и наличие различных локковедческих школ и, соответственно, различных интерпретаций Локка. Составление библиографии и попутное чтение литературы, созданной первым послевоенным поколением локковедов, заняло не менее двух с половиной лет, т. е. примерно половину срока, ушедшего на весь, как теперь говорят, «проект».

По ходу этих штудий выяснилось, что в библиотеках Москвы практически нет ничего из той богатой локковедческой литературы, которая накопилась на Западе за последние 50–60 лет. Сам этот факт глубоко меня поразил, и я до сих пор размышляю над тем, почему это произошло. Объяснение странному пробелу может быть только одно: все время, пока существовала советская власть, Локк был самым главным ее врагом, поскольку считался основным теоретиком классического либерализма – теории, по лекалам которой построен современный мир. Маркс и Ленин были знаменем одной половины планеты, революционной и видевшей в частной собственности источник всего социального зла; Локк был знаменем обратной стороны земли, «мира насилия и эксплуатации», которому предстояло быть разрушенным, а затем... И т. д. и т. п.

Исторически сложилось так, что на роль главного либерала и демократа в сознании тех, кто был склонен к свободомыслию, постепенно выдвинулся Иммануил Кант, вокруг имени которого в нашей стране собралась целая когорта историков философии.

Итак, литературу о Локке пришлось собирать самостоятельно, не надеясь на помощь старшего поколения. И на это ушло много времени, о чем я совершенно не жалею, потому что время для дополнительных размышлений – лучший друг историка-энтузиаста, зачастую, в силу своего энтузиазма, не способного посмотреть на проблему сразу с нескольких точек зрения, попробовать применить одновременно несколько интерпретаций, а вместо этого под-дающегося самой яркой и «вкусной» трактовке.

Как предугадал в свое время Джон Иолтон, так и вышло. Начав с интереса к собственно философской стороне взглядов Локка, с его концепции опыта, я постепенно переключался к его политическим идеям. Первой книгой, прочитанной мной по этой теме, стала известная работа Ричарда Ашкрафта, о которой многое будет сказано в первой части. Впечатление от его идей было настолько сильным, что я и предположить не мог, что уже через год моя точка зрения радикально изменится. Изменение точки зрения происходило еще несколько раз за последующие четыре года интенсивного чтения локковедческой литературы, и в конце концов мне даже показалось, что написать что-либо правдоподобное о Локке вообще невозможно, поскольку каждая новая большая порция информации меняла мои прежние представления. И тогда мне пришло в голову, что можно было бы попытаться выйти за пределы собственно локковских «интерпретаций» в более широкое и свободное пространство исторического контекста, а лучше сказать – исторических контекстов в их переплетенности, взаимопроникновении, взаимодополнительности. Этот мыслительный и практический (в смысле освоения литературы) шаг оказался решающим. Суть его лучше всего пояснить на примере моей собственной истории и истории моих сверстников и однокашников.

В 1976 г. я окончил философский факультет МГУ по кафедре истории зарубежной философии. Профессора и преподаватели этой кафедры, которым я безмерно благодарен за их веру в «источники», т. е. в чтение текстов самих философов в противоположность изучению вторичной – зачастую очень слабой – советской философской литературы, представляли собой одно из лучших историко-философских сообществ нашей страны. В те годы изучение текстов было единственной отдушиной для историков философии. Однако парадоксальным образом и по той же самой причине историки философии оставались пленниками того, что можно условно назвать текстологическим подходом. Правильное, более правильное, еще более правильное и т. д. изложение текстов, их сравнение, дедукция одних текстов из других, нахождение совпадений и связей между текстами разных эпох – вся эта «игра в бисер» стала познавательным идеалом историко-философской работы. Причем историки философии представляли собой наиболее продвинутую и далекую от марксистского догматизма часть философского сообщества советских времен. Высшим его достижением стали переводы классиков мировой философии, впрочем, иногда скудно комментированные и потому недостаточно тщательно выполненные¹. Тем не менее и эти переводы были неизмеримо лучше любых «изложений».

После поступления в аспирантуру мне было предложено заняться сопоставлением концепций Дэвида Юма и Бертрانا Рассела, однако, хотя это предложение было очень щедрым, а сама тема необычайно интересной, мне хотелось, прежде чем заниматься такого рода исследованием, разобраться в том, что такое сама историко-философская работа.

Изучение историко-философской концепции и самой практики работы английского историка философии Фредерика Коплстона привело меня к пониманию того, что текстологический подход тесно связан с процессом преподавания и требованиями, диктуемыми форматами лекций и семинаров. Ярким выражением такого педагогического подхода стала концепция Г.В.Ф. Гегеля, для которого история философии была всего лишь способом изложения

¹ В дальнейшем изложении везде будут приводиться переводы фрагментов текстов и даже названий работ, выполненные заново. В принципе, издания классиков в новых переводах должны выпускаться в свет каждые двадцать лет, вместе с развитием исторической науки, и я надеюсь, что и Локк, и другие мыслители XVII в. будут изданы вновь, а их произведения получат новую жизнь на русском языке в новой культурно-исторической ситуации, возникшей после 1991 г.

самой философии. Самым простым приемом такого рода (например, в курсе диалектического материализма) было построение системы историко-философских категорий. Предполагалось, что всякий философ является воплощением некоего категориального «духа» или «идеи» (скажем, рационализма или эмпиризма, идеализма или материализма, экзистенциализма или прагматизма и т. д. и т. п.), о чем лектор и сообщал аудитории, иногда даже рисуя систему мировой философии мелом на доске.

Нечего и говорить, что «большая» история оставалась для историков философии чем-то далеким, малопонятным и ненужным. Для историка мировой философии, текстолога и педагога, «большая» история – чужая дисциплина, которой занимаются другие исследователи, работающие на других факультетах и в других институтах. История философии выпала из «большой» истории, став частью философии – или марксистской, но «категориальной», или «текстологической», но тоже вневременной, имеющей свою собственную внутритекстуальную логику.

История того, как это произошло, должна быть изучена отдельно. Выделение истории философии в отдельную дисциплину состоялось не в рамках марксизма, а в век Просвещения. Затем преподавание истории философии сделалось профессией и обязательным предметом. Преподаватели начали ее преподавать, а студенты начали ее изучать. И речь шла не просто о том или ином мыслителе – в конце концов, Аристотеля изучали и в Средние века. Дело было в образовании особого философского канона с присвоенными каждому отдельному философу «идеями»-ролями.

Неплохо было бы написать историю истории философии. Но на данный момент моя цель заключается в другом. Мне важно показать саму возможность существования истории мысли, не ограниченной рамками истории философии. Собственно говоря, программа такого рода существует давно и называется «историей идей», а иногда «контекстуальным подходом». Неважно, насколько эти термины передают суть дела, поскольку существуют образцы, живые примеры такого подхода, воплощенные в целом ряде опубликованных работ². Многие из них, на материале, связанном с фигурой Джона Локка, обсуждаются и в нашей книге, которая тоже представляет собой отличающуюся от историко-философской «текстологии» форму исторической работы.

Самое главное в этой форме то, что она позволяет ставить множество частных исторических задач. И чем дальше мы продвигаемся в понимании истории идей, пытаюсь решить эти задачи, тем больше возникает новых задач. Эта бесконечность, порой превращающая решение каждой новой задачи в новую частную исследовательскую программу, сначала пугает, однако затем заставляет понять, что смысл исторического или любого другого научного исследования не в достижении результата, а в самом процессе поиска.

Выход за рамки историко-философской «текстологии» и педагогики в более широкое пространство «большой» истории вызывает необходимость в привлечении дополнительных массивов информации. И речь идет не только об архивах, но и о дисциплинарных типах материала, соответственно о междисциплинарном характере исследования изучаемого события или персоны. Например, изучение Локка в контекстах предполагает привлечение историко-научных исследований, исследований по истории церквей и религий, истории политической мысли, истории культуры и биографических изысканий.

Включаемые в контекстуальное исследование дисциплины задают первые «контексты». Но дальше их наложение друг на друга порождает все новые и новые контексты. Количество контекстов растет по экспоненте и требует введения ограничений со стороны историка, которые позволяли бы оставаться в рамках меняющегося, но сохраняющего хотя бы номинальное

² Одним из таких образцов является работа самого Локка – «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла», подготовленная им в последние годы жизни и изданная посмертно в 1706 г.

постоянство предмета. В данном случае единство предмета задается личностью самого Локка. Сила такого подхода заключается в том, что он позволяет через контексты, в которых существуют и с которыми связаны личности или события, увидеть новые точки потенциального роста исторического знания.

Приходится предупредить читателя, что эта книга – не об идеях Локка, а о КОНТЕКСТАХ, в которых существовали эти идеи. В ней делается попытка нащупать «нерв» каждой из двух важнейших для понимания его политической мысли работ, попытка отсеять лишнее, чуждое, появившееся в результате поисков смысла, якобы имманентного тексту и только и ожидающего, что его из текста извлекут. Эта книга писалась в убеждении, что смысл не является чем-то внутренне присущим самому тексту, но задается значительно более широким пространственно-временным целым истории. Именно исторические контексты задают смысл как «Двух трактатов о правлении», так и «Послания о толерантности».

Иногда говорят, что контекст как бы убивает текст. Эта мысль обращает наше внимание на результат контекстуального анализа, порой изменяющего трактовку исторической фигуры или того или иного события. Но, с другой стороны, контекстуальный подход – и в этом может заключаться его оправдание – дает тексту новую жизнь.

А подчас сам контекст доходит до наших дней, «прорастает» в них. Именно это происходит сегодня с «Двумя трактатами о правлении» и «Посланием о толерантности» Джона Локка. Эти произведения живы сегодня потому, что живы их контексты.

И теперь настало время, когда необходимо очень внимательное изучение и текстов, и контекстов Локка. Надеюсь, что мне удалось, хотя бы в какой-то мере, это показать.

* * *

Более всего появлению этой книги я обязан моей жене Татьяне Алексеевне Уманской, которая терпеливо читала каждый новый вариант рукописи и делала замечания, серьезно повлиявшие на конечный результат. Не менее важной была ее вера в то, что книга должна получиться. Несколько бесед с Натальей Ивановной Кузнецовой оказали стимулирующее воздействие на написание частей книги, затрагивающих историю естествознания. Критические замечания Алексея Борисовича Григорьева позволили прийти к более точным формулировкам в тех главах, которые посвящены истории религий и церквей.

Лето 2007—осень 2012 г.,

Ново-Дарьино

Часть I «Два трактата о правлении»

Завещание, кодицилл и поправка Де Мезо – Коллинза

«ОСТАНОВИСЬ, путник! Здесь лежит ДЖОН ЛОКК.

На вопрос, каким он был, он ответил бы, что жил, довольствуясь своим скромным уделом. Познав науки, он достиг того, что надобно одной лишь истине. Ты узнаешь это из его сочинений, которые вернее сомнительных похвал эпитафии поведают, что еще, помимо этого, можно сказать о нем. Любые добродетели его были слишком малы, чтобы вдохновить тебя славным примером; а грехи пусть вместе с ним будут преданы земле. Если ищешь пример для подражания, то он в Евангелиях; если пороков, не ищи его нигде; а пример смертности (какая бы ни была в том польза) ты найдешь, будь уверен, и здесь, и повсюду. На сей плите, век коей тоже недолог, начертано, что он родился в год Господа нашего 1632, августа 29-го, а умер в год Господа нашего 1704, октября 28-го».

Эпитафия, высеченная на надгробной плите Джона Локка, была составлена им самим. Смерть его не была внезапной, Локк ясно сознавал приближение конца и успел отдать все необходимые распоряжения, в частности написать завещание, первый вариант которого был составлен еще в 1695 г., а окончательный вариант датирован и апреля 1704 г. Согласно завещанию, 3 тысячи фунтов под опеку (до достижения 25-летнего возраста) получил сын леди Машем (в девичестве Дамарис Кедворт³) Френсис (Франк) Машем, около 1500 фунтов были распределены по длинному списку в суммах от 1 до 200 фунтов. Оставшиеся деньги и личные вещи получил двоюродный племянник Локка Питер Кинг (Питер был сыном Анны Кинг, дочери Питера Локка – дяди Джона Локка) – позднее барон Кинг Оккамский и лорд-канцлер Англии (1725–1733), член Лондонского королевского общества с 1728 г., предок графов Лавлейсов (титул был пожалован в 1838 г.)⁴. Локк умер состоятельным человеком, его накопления на момент смерти достигали 12 тысяч фунтов⁵, включая стоимость земли, которая досталась по закону (поскольку эта часть наследства не была оговорена в завещании) в равных долях Питеру Кингу и еще одному кузену – Питеру Страттону.

Половина библиотеки была завещана Франку Машему, другая половина и все письма, дневники, записные книжки и разного рода рукописи – Кингу. В кодицилле (дополнении к завещанию), датированном 15 сентября 1704 г., Локк распорядился передать в Бодлеанскую библиотеку свои труды, ранее опубликованные анонимно (первое, второе и третье «Послания о толерантности», «Два трактата о правлении», «Разумность христианства» и две его «Виндика-

³ Дамарис Кедворт, дочь «кембриджского платоника» Ралфа Кедворта, высокообразованная и обладавшая широкими связями женщина, была близким другом Локка, с которым она познакомилась в конце 1681 г. в Лондоне. Начиная с 1691 г. Локк жил в Хай-Лавере, родовом поместье ее мужа сэра Френсиса Машема в Оутсе (графство Эссекс). Леди Машем была предана Локку и относилась к нему как к «отцу и брату». Письма к Локку она подписывала «Филоклея». В свою очередь Локк отзывался о леди Машем как о «в высшей степени одаренной женщине». Машем была автором двух трактатов: «Рассуждение о Божьей любви» («A Discourse concerning the Love of God», 1696) и «Некоторые мысли относительно добродетельной или христианской жизни» («Occasional Thoughts in Reference to a Virtuous or Christian Life», 1705).

⁴ Кроме всего прочего, Кинг был автором трактата под названием «Исследование уклада, учения, единства и богослужения в первоначальной церкви, процветавшей в первые триста лет после Христа...» («An Enquiry into the Constitution, Discipline, Unity & Worship of the Primitive Church that flourished within the first Three Hundred Years after Christ...», London, 1691), выход которого в свет сблизил Кинга с Локком. В 1680-х гг. доверенным лицом Локка был тоже его родственник, в 1690-х гг. видный член парламента и один из лидеров вигов Эдвард Кларк.

⁵ Последуем совету Марка Голди и умножим на 100, чтобы получить сумму, примерно равную сегодняшней стоимости этих денег (Goldie M. The Life of John Locke // The Continuum Companion to Locke / Ed. by S.-J. Savonius-Wroth, P. Schuurman, J. Walmsley. – London; N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010. P. 34). По мнению Голди, эти деньги Локк сумел накопить в 1690-х гг. благодаря вложениям в Ост-Индскую компанию и Банк Англии.

ции», т. е. два «Оправдания»). Предыстория составления кодицилла такова. 6 февраля 1703 г. университетский библиотекарь д-р Джон Хадсон отправил Локку письмо с просьбой передать свои работы в Оксфорд. 4 марта 1703 г. Локк, еще раз проконсультировавшись с Джеймсом Тиррелом, поручил издателям Черчиллям отослать в библиотеку «Опыт о человеческом понимании», «Письмо» архиепископу Стиллингфлиту и последующие «Ответы», а также экономические памфлеты и «Некоторые мысли об образовании». Выразив свою признательность, Хадсон 20 апреля 1703 г. написал: «Не смею спрашивать, *все* ли это книги, которые вы намеревались нам передать»⁶. Более чем через год Локк дал ответ на этот вопрос в кодицилле: публичной библиотеке Оксфордского университета завещались экземпляры «всех книг, автором которых я являюсь и которые были опубликованы без указания моего имени»⁷.

Вскоре после смерти Локка и завещание, и кодицилл были опубликованы. На сегодняшний день мы имеем два варианта их публикации. Первый относится к 1714 г. и был включен Жаном Ле Клерком в состав третьего расширенного издания его работы «Рассказ о жизни и сочинениях Джона Локка, эсквайра»⁸. Ле Клерк использовал неустановленный источник (хотя, как можно предположить, текст завещания скопировал Пьер Кост – судя по очень близкому к оригиналу пересказу отрывка из кодицилла в письме к Жаку Бернару, редактору «*Nouvelles de la Republique des Lettres*», от 10 декабря 1704 г.; письмо вышло в «*Nouvelles...*» в феврале следующего года). Данная публикация была единственным полным воспроизведением завещания и кодицилла вплоть до их публикации Э. де Биром в 1989 г.⁹ Вариант де Бира основывается на копии, хранящейся в Бодлеанской библиотеке (B.L., MS. Locke b.5, item no 14). Оригиналы завещания и кодицилла не найдены.

Важной частью последних распоряжений стали письмо Питеру Кингу от 4 октября 1704 г. и постскриптум к нему от 25 октября, где Локк перечислил ряд своих еще не опубликованных трудов, издание которых оставлял на усмотрение друзей.

В последних просьбах, обращенных к леди Дамарис Машем, содержались распоряжения насчет похорон, которые Локк просил провести как можно скромнее. Вечером 27 октября 1704 г. семья Машем помолилась вместе с ним в его комнате. На следующий день, в три часа пополудни 28 октября 1704 г., Локк закрыл себе глаза руками и умер. Похоронили его рядом с оградой в южной части кладбища при церкви Всех Святых в Хай-Лавере, отпевание у гроба произвел викарий прихода. Позднее на могилу положили мраморную плиту. Много лет спустя плиту перенесли в церковь, где она сегодня и находится.

В вышеупомянутом письме Кингу Локк перечислил свои неопубликованные работы, некоторые из них не имели названия или же названия носили условный характер: 1) рассуждение о видении всех вещей в Боге; 2) рассуждение о чудесах; 3) рассуждение о практике¹⁰ (*conduct*) понимания; 4) заметки под общим названием «*Physica*»; 5) парафраза и примечания к посланиям св. Павла. Упоминались также мемуарные заметки, посвященные первому графу Шефтсбери. В вышедшей в свет в 1706 г. книге «Посмертные труды г-на Джона Локка» были опубликованы в следующем порядке работы: (i) «О практике понимания», (ii) «Исследование мнения отца Мальбранша о видении всех вещей в Боге», (iii) «Рассуждение о чудесах», (iv) часть «Четвертого письма о толерантности», (v) «Воспоминания, касающиеся жизни Антони,

⁶ The Correspondence of John Locke. Vol. VII / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1982. P. 743–744, 764.

⁷ The Correspondence of John Locke. Vol. VIII / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 425.

⁸ [Le Clerc J.] An Account of the Life and Writings of John Locke Esq.; The Third Edition Enlarged, 1714. P. 29–34.

⁹ The Correspondence of John Locke. Vol. VIII / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 419–427.

¹⁰ Перевод термина «conduct» как «управление» не соответствует смыслу этой работы Локка и всего строя его мысли. Речь идет о «процессе», о «практике», «деятельности», о «правилах», способствующих пониманию, об ошибках, которых следует избегать, и т. д. И поэтому, пока не появился более удачный перевод, будем пользоваться термином «практика».

первого графа Шефтсбери», а также (vi) «Новый метод ведения записей» (в переводе с французского языка)¹¹.

Работа «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла» увидела свет в пяти отдельных выпусках в 1705–1707 гг. – в порядке, особо оговоренном Локком, а позднее была опубликована под одной обложкой. Издатели Черчилли исполнили желание автора «Парафразы», и этот труд оставался анонимным вплоть до 1742 г., когда вышло его четвертое издание с именем автора на титульном листе. Таким образом, из работ, перечисленных в письме Кингу, в первые годы после смерти Локка было издано все, кроме медицинских заметок «Physica», до сих пор не обнаруженных историками.

Половина библиотеки, завещанной Франку Машему, была распродана по частям и, за малым исключением, не сохранилась. Что касается другой половины и рукописей, завещанных Питеру Кингу, то значительная их часть ныне входит в лавлейсовскую коллекцию Бодлеанской библиотеки в Оксфорде, немало рукописей находится в Библиотеке Амстердамского университета (в рукописном фонде ремонстрантов), отдельные документы хранятся в коллекциях Государственного архива Великобритании (как часть архива Шефтсбери), Британского музея, Оксфордского университета, Библиотеки Пирпойнта Моргана в Нью-Йорке, в Библиотеке Ньюберри в Чикаго, Хантингтонской библиотеке в калифорнийском Сан-Марино и других фондах, в том числе и в частных.

Интеллектуальное наследство, полученное Питером Кингом, оставалось на попечении потомков лорда Кинга вплоть до 1942 г., когда большая часть рукописей и несколько книг были переданы в Бодлеанскую библиотеку. И хотя первый осмотр лавлейсовской коллекции был произведен Королевской комиссией по историческим документам еще в 1919 г., детальное ее изучение выпало на долю Вольфганга фон Лейдена, осуществившего эту работу после 1942 г. по поручению оксфордского издательства «Кларендон-пресс». В 1946 г. университет получил от фон Лейдена соответствующий отчет¹², а в 1947 г. коллекция была приобретена у четвертого графа Лавлейса Бодлеанской библиотекой при финансовой поддержке фонда «Пилгрим-траст».

Передаче коллекции в Бодлеанскую библиотеку предшествовала история с рукописью первого наброска «Опыта о человеческом понимании»¹³. В 1935 г. Ричард Аарон обратил внимание на цитаты, приведенные во втором издании (1830) книги потомка Питера Кинга, тоже Питера Кинга, седьмого барона и будущего графа Лавлейса, «Жизнь и письма Джона Локка»¹⁴, которые указывали на существование раннего варианта «Опыта» и ясно свидетельствовали о том, что вариант, опубликованный Бенджамином Рандом в 1931 г.¹⁵ (впоследствии получивший обозначение «наброска В»), не был самой первой версией главного локковского труда. Аарон обратился к Лавлейсу с просьбой разрешить ему ознакомиться с рукописями Локка в том случае, если таковые сохранились.

¹¹ Posthumous Works of Mr. John Locke: viz. I. Of the Conduct of the Understanding. II. An Examination of P. Malebranche's opinion of Seeing all things in God. III. A Discourse of Miracles. IV. Part of a Fourth Letter for Toleration. V. Memoirs relating to the Life of Anthony, first Earl of Shaftesbury. To which is added VI. His New Method of a Common-Place-Book, written originally in French and now translated into English. – London, 1706.

¹² Главные моменты отчета см.: *Locke J. Essays on the Law of Nature* /Ed. by W. von Leyden. – Oxford: Clarendon Press, 1954.

¹³ «Understanding» должно переводиться как «понимание», а не какими-либо другими терминами, вроде «разума» или «разумения». Весь мир переводит этот локковский термин как «понимание», и речь в «Опыте о человеческом понимании» идет именно о понимании в той мере или в тех границах, которые определены человеку. Совершенно непостижимо, каким образом вообще появился перевод «understanding» как «разум». Любой словарь дает в качестве основного значения «понимание».

¹⁴ *King P. The Life of John Locke, with Extracts from his Correspondence, Journals, and Common-place Books.* – London: Colburn and Bentley, 1830.

¹⁵ *Locke J. An Essay concerning the Understanding, Knowledge, Opinion, and As sent* /Ed. by B.Rand. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1931.

Ответ пришел не от Лавлейса, находившегося в тот момент в Африке, а от его поверенного Джослина Гибба. Гибб пригласил Аарона в Гемпшир, отметив, что как раз начал приводить в порядок архив. Однако настоящей причиной приглашения было нежелание Гибба распродавать библиотеку и личные вещи Лавлейсов по частям, как планировалось, через аукцион «Сотбис». Распродажа через аукцион означала рассеяние коллекции, что, например, произошло с архивом Исаака Ньютона, когда огромное количество документов ушло в 1936 г. через аукцион «Сотбис» в частные собрания. Только благодаря личным усилиям А. С. Яхуды, который вывез значительную их часть в США, удалось спасти эти документы. Несмотря на настоятельные рекомендации А. Эйнштейна, ни один из крупнейших американских университетов – ни Гарвард, ни Принстон, ни Йель – не хотел брать ньютоновскую коллекцию на хранение, поскольку содержащиеся там документы касались алхимии, астрологии и теологии и, с точки зрения тогдашнего университетского руководства, свидетельствовали лишь о том, что в какой-то момент великий ученый просто сошел с ума, отравившись ртутью во время сомнительных опытов.

Прибыв в Гемпшир, спустя всего несколько дней Аарон обнаружил рукопись первого наброска «Опыта», которую за сто лет до этого цитировал Питер Кинг, и немедленно сообщил об этом в издательство Оксфордского университета. Как выяснилось, предварительные переговоры уже велись Гиббс с Бодлеанской библиотекой в лице Эдмунда Крастера после того, как в 1932 г. коллекция была частично экспонирована в Лондоне и возникла реальная угроза ее рассеяния. Однако находка Аарона и последующая совместная публикация им и Гиббс первого наброска «Опыта» в 1936 г. ускорили события и в какой-то мере предотвратили реальную угрозу распродажи коллекции по частям, возникшую после смерти третьего графа Лавлейса. В 1942 г., в разгар войны и разрушительных ночных бомбежек Лондона, Гибб добился передачи большей части коллекции на хранение в Бодлеанскую библиотеку. По иронии судьбы найденная Аароном рукопись «наброска А» была продана наследниками и отправилась за океан, доставшись в 1962 г. Библиотеке Пирпойнта Моргана в Нью-Йорке.

Коллекция рукописей Локка в Бодлеанской библиотеке сегодня состоит из переписки, количество писем в которой превышает 3000 единиц, и разного рода документов, включая дневники и записные книжки (38), всего около 1000 единиц. По оценке Эсмонда де Бира, приглашенного оксфордским издательством «Кларендон-пресс» в 1956 г. в качестве редактора многотомного издания переписки Локка, коллекция включает около 2600 писем различных корреспондентов Локку и около 140 писем или их черновиков самого Локка. Вся же в целом переписка Локка составляет около 3650 единиц, примерно 1000 писем от него, остальное – к нему. В переписке, по подсчетам, участвовало более 350 корреспондентов¹⁶. По своему содержанию это весьма разнообразная коллекция, дающая представление о широком спектре интересов Локка, среди них – теология, медицина, экономика, политика, наука, педагогика, философия. Полная ее опись была опубликована в 1959 г. сотрудником западного департамента Бодлеанской библиотеки П. Лонгом¹⁷.

Следующим этапом «возвращения» архива и библиотеки Локка стали усилия, предпринятые в 50-х гг. XX в. Питером Ласлетом, который попытался проследить судьбу завещанных книг¹⁸. Движимым мотивом его изысканий была надежда найти утерянную «среднюю» часть

¹⁶ См.: *De Beer E. S. The Correspondence of John Locke // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All / Ed. by Jean S. Yolton. – Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990. P. 217.* Статья де Бира первоначально появилась в «The Times Literary Supplement», 16 July 1971. P. 837–838.

¹⁷ *Long P. A Summary Catalogue of the Lovelace Collection of the Papers of John Locke in the Bodleian Library. – Oxford: Oxford University Press, 1958.*

¹⁸ Подробно история этих усилий рассказана самим Ласлетом: *Laslett P. The Recovery of Locke's Library // The Philosophical Canon in the 17th and 18th Centuries: Essays in Honour of John W. Yolton / Ed. by G.A.J. Rogers and S. Tomaselli. – Rochester: Rochester University Press, 1996.*

«Двух трактатов о правлении». Гибб передал в Бодлеанскую библиотеку рукописи, а книги из библиотеки Локка остались у Лавлейсов, поскольку на тот момент никто в Оксфорде не был заинтересован в их приобретении. Более того, в качестве само собой разумеющегося распространялось мнение, что книги переданы в Оксфорд вместе с рукописями.

Однако это было не так. В 1948 г. Крастер, оксфордский библиотекарь, объявив публично в газете «Таймс» о приобретении рукописей Локка, отметил, что книги из его библиотеки были рассеяны, а также что на момент его смерти библиотека насчитывала около 2000 книг, которые были разделены поровну между двумя наследниками согласно завещанию¹⁹.

Спустя некоторое время Ласлет обнаружил в той же «Таймс» опровержение, написанное леди Дианой – сестрой четвертого графа Лавлейса, которая утверждала, что книги не рассеяны, а находятся в целости и сохранности в поместье ее брата. Заручившись поддержкой Гибба, брат которого был мужем Дианы, Ласлет добился встречи с Лавлейсом в декабре 1951 г., и ему показали библиотеку в графском доме Бен-Дамф-Форест на берегу северошотландского озера Лох-Торридон. В ходе изучения библиотеки выяснилось, что часть ее, которую принимали за книги, на самом деле составляли переплетенные рукописи, а некоторые книги содержали пометки, сделанные Локком.

В последующие несколько лет Ласлет не только изучал библиотеку из 660 книг и рукописей и вместе с Дж. Харрисоном, сотрудником Кембриджской университетской библиотеки, составлял ее каталог, но и пытался убедить супругов Лавлейсов, что книги не стоит продавать по отдельности, поскольку это снизит стоимость всей коллекции. В конечном счете Лавлейсы, хотя все же продали часть рукописей и книг (в том числе «набросок А»), в какой-то мере вознаградили усилия Ласлета, сделав его своим главным экспертом по оценке библиотеки.

Вопрос о ее продаже встал в конце 1950-х гг. Покупатель нашелся быстро. Это был не Оксфордский университет, а американский библиофил и меценат Пол Меллон. Ласлету удалось убедить Меллона подарить книги и рукописи (среди них двухтомный гербарий и несколько записных книжек по медицине) Бодлеанской библиотеке, что и произошло в 1960 и 1963 гг. Было условлено, что книги-рукописи должны быть переданы немедленно, а другую часть Меллон мог забрать на какое-то время себе, чтобы, насладившись их видом и проведя реставрацию, затем вернуть в Оксфорд. Когда время пришло, Меллон не только вернул в Оксфорд приобретенные книги, но и принял участие в устройстве «Комнаты Локка» в Оксфорде, где теперь и располагается вся коллекция – и книжная, и рукописная. Помимо книг, завещанных Кингу, Ласлету удалось найти несколько книг, завещанных Франку Машему. И все же, несмотря на усилия Ласлета, какая-то часть – возможно, значительная – архива и библиотеки Локка была продана наследниками в 1930-х и 1950-х гг. и до сих пор находится в неизвестных и недоступных для историков коллекциях.

Общий каталог книг из библиотеки Локка, находящихся на хранении в Оксфорде и других местах, был вскоре опубликован²⁰. По оценке Харрисона и Ласлета, библиотека Локка включала 3641 название, а, учитывая потерю некоторых книг во время периодических отъездов Локка из Англии – сначала во Францию, а потом в Нидерланды, должна была насчитывать около 4000 названий.

Структура библиотеки Локка в сопоставлении с другими частными библиотеками того времени описана в статье Р. Ашкрафта, который отмечает, что большую часть книг составляют трактаты по теологии; затем идут книги по медицине и натурфилософии, вслед за ними – книги, посвященные путешествиям, и политические памфлеты. По оценке Джона Милтона, если в 1658–1667 гг. книги по медицине составляли 46,6 %, а затем шли естествознание

¹⁹ См.: Craster E. John Locke's Papers // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All / Ed. by Jean S. Yolton. – Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990. P. 148. См. также: The Times. 1948. January 12. P. 5, 10.

²⁰ Harrison J.R., Laslett P. The Library of John Locke. – Oxford: Oxford University Press, 1965 (2nd ed. – Oxford: Clarendon Press, 1971).

(16,4 %) и география (15,4 %), то в конце жизни Локка первенство отошло к теологии (23,8 %), а медицина, политика, классическая литература, география, философия и наука занимали от 6,5 до и,1 %²¹.

Несмотря на то что отдельные письма и не публиковавшиеся ранее работы время от времени появлялись в печати вплоть до 1950-х гг., они почти не вызывали широкого отклика у историков. Причина понятна – в локковский «канон» входило всего несколько трудов: «Опыт о человеческом понимании», «Два трактата о правлении», «Послание о толерантности» и «Некоторые мысли об образовании». Все остальное воспринималось как приложение к основным трудам, в которых, как считалось, Локк выразил все свои главные идеи.

Революция в изучении наследия Локка началась в 1950-х гг., когда историки получили доступ к лавлейсовской коллекции. Главными событиями этого нового этапа стали выход в свет ранее не публиковавшихся работ Локка и новые исследования, поставившие вопрос о необходимости существенного расширения «канона». Важными вехами послужили публикация В. фон Лейденом «Опытов о законе природы» (1954)⁵ исследование Джона Йолтона «Джон Локк и путь идей» (1956) и книга Мориса Кранстона «Джон Локк: биография» (1957)^{22*}

Обширное предисловие фон Лейдена к публикации «Опытов о законе природы» и вызвавшая широкий резонанс книга Йолтона стали выражением относительно нового «контекстуального» подхода, а новая биография Локка привлекла внимание к его роли в истории Англии и Европы второй половины XVII в. Важным событием стало критическое издание в 1960 г. «Двух трактатов о правлении» под редакцией Питера Ласлета, перевернувшее прежние представления об этом произведении Локка²³.

Революция, произошедшая в 1950-е гг., заключалась даже не столько в новом «контекстуальном» подходе, расширившем дисциплинарные рамки «истории философии», сколько в том, что Джоном Локком наконец занялся цех профессиональных историков. Локк стал интересен «большой» истории, которая, хотя и не сразу, ассимилировала почти всю область изучения его идей и во многом подчинила исследования своим собственным нормам и стандартам. Итоги 1960-х гг. были подведены в сборнике под редакцией Дж. Йолтона «Джон Локк: проблемы и перспективы» (1969)²⁴, среди участников которого – крупнейшие исследователи Локка первого послевоенного поколения, такие как Эсмонд де Бир, Питер Ласлет, Вольфганг фон Лейден, Ричард Ашкрафт.

Начиная с 1975 г. в рамках «локковского проекта», развернутого оксфордским издательством «Кларендон-пресс», вышел ряд критических изданий произведений Джона Локка: «Опыт о человеческом понимании» под редакцией Питера Ниддича (1975; в мягкой обложке 1979 г.); переписка Локка в восьми томах под редакцией Э. де Бира (1976–1989; девятый, итоговый и аналитический, том до сих пор не вышел в свет); «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла» под редакцией Артура Уэйнрайта (1987); «Некоторые мысли об образовании» под редакцией Джона Йолтона и Джин Йолтон (1989); экономические работы Локка под редакцией Патрика Хайда Келли («Локк о деньгах», 1991); «Разумность христианства» под редакцией Джона Хиггинса-Бидла (iggg); «Религиозные сочинения» под редакцией Виктора Нуово (2002); «Опыт о толерантности и другие сочинения по праву и политике, 1667–

²¹ См.: *Ashcraft R. John Locke's Library: Portrait of an Intellectual // A Locke Miscellany: Locke Biography and Criticism for All / Ed. by Jean S. Yolton. – Bristol: Thoemmes Antiquarian Books, 1990. P. 226–245.* См. также: *Ashcraft R. John Locke's Library: Portrait of an Intellectual // Transactions of the Cambridge Bibliographical Society. 1969. Vol. 5. No. 1. P. 47–60; M211-ton J.R. Locke at Oxford // Locke's Philosophy: Content and Context / Ed. by G.A.J. Rogers. – Oxford: Clarendon Press, 1994. P. 36.*

²² *Yolton J. W. John Locke and the Way of Ideas. – Oxford: Clarendon Press, 1956; Cranston M. John Locke: A Biography. – London: Longmans, Green and Co, 1957.*

²³ *Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1960.*

²⁴ *John Locke: Problems & Perspectives. A Collection of New Essays / Ed. by J.W. Yolton. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969.*

1683» под редакцией Джона Милтона и Филипа Милтона (2006); «Виндикации „Разумности христианства“» под редакцией Виктора Нуово (2012)²⁵.

Важную роль сыграли также библиографические описи произведений самого Локка и исследований о нем, составленные Роландом Холлом и Роджером Вулхаусом (1д8з)²⁶ Джоном Аттигом (1985 г. и вплоть до сего дня)²⁷ и Джин Иолтон (1998)²⁸. С 1970 г. под редакцией Роланда Холла выходит ежегодный журнал, посвященный Локку, «Locke Newsletter» (1970–1999), с 2000 г. – под названием «Locke Studies».

Среди исследователей, внесших значительный вклад в изучение Локка, следует назвать, кроме вышеупомянутых, Кеннета Дьюхерста, Грэма А. Дж. Роджерса, Марио Монтуори, Джеймса Тулли, Ханса Аарслефа, Филипа Абрамса, Марка Голди, Питера Анстея, Ричарда Вернона, Иана Харриса, Джона Маршалла, Уильяма Спелмана, Барбару Арнейл, Джереми Уолдрона, Пола Шурмана, Джонатана Уолмсли, Николаса Джолли, Дэвида Вуттона, Луизу Симонутти, Сами-Юхани Савониус-Рот. Разумеется, этот список далеко не исчерпывает всех занимающихся Локком исследователей, число которых растет из года в год.

Таким образом, можно утверждать, что начиная с 1950-х гг. сложилась особая область исторических изысканий, базой которых стали источники из лавлейсовской коллекции и других собраний, и сформировалось сообщество историков-локковедов с продолжающей развиваться общей исследовательской программой.

Публикация произведений, оставшихся в рукописях, вышла за рамки завещания Локка уже в начале XVIII в., несмотря на ясную инструкцию, которая была дана душеприказчику Кингу относительно архива. «Уверен, – писал Локк, – там нет ничего достойного печати». Сам Кинг в «Посмертных работах Джона Локка» опубликовал немного больше, чем было завещано Локком, а именно добавил незавершенное «Четвертое послание о толерантности», заметку о Шефтсбери и английский перевод «Нового метода ведения записей». В том же 1706 г. стараниями Кинга была опубликована «Личная переписка между г-ном Локком и некоторыми его друзьями»²⁹. Все эти новые материалы вошли в локковский «канон» почти сразу же после смерти мыслителя.

Несмотря на большой массив рукописей, находившихся в его распоряжении, Кинг все же не решился на их публикацию. И лишь в 1829 г. правнук Питера Кинга, седьмой барон Кинг, опубликовав «Жизнь Джона Локка, с извлечениями из его корреспонденции, дневников и тетрадей» (третье издание 1858 г.), впервые дал ссылки на источники. Этот труд Кинга был использован в первой более или менее полной биографии Локка, написанной Генри Ричардом Фоксом (Фокс-Борном) (1876)³⁰, к сожалению не имевшим доступа к лавлейсовской коллекции. Среди более поздних публикаций можно отметить следующие. В 1927 г. Бенджамин Ранд

²⁵ *Locke J. An Essay concerning Human Understanding* / Ed. by P. H. Nidditch. — Oxford: Clarendon Press, 1975; 1979; *The Correspondence of John Locke. Vols. I–VIII* / Ed. by E.S. de Beer. — Oxford: Clarendon Press, 1976–1989; *Locke J. A Paraphrase and Notes on the Epistles of St Paul* / Ed. by A. W. Wainwright. Vols. 1–2. — Oxford: Clarendon Press, 1987; *Locke J. Some Thoughts concerning Education* / Ed. by J.W. Yolton, and J. S. Yolton. — Oxford: Clarendon Press, 1989; *Locke on Money. Vols. I – 11* / Ed. by P. H. Kelly. — Oxford: Clarendon Press, 1991; *Locke J. The Reasonableness of Christianity, As delivered in the Scriptures* / Ed. by J. Higgins-Biddle. — Oxford: Clarendon Press, 1999; *Locke J. Writings on Religion* / Ed. by V. Nuovo. — Oxford: Clarendon Press, 2002; *Locke J. An Essay concerning Toleration and Other Writings on Law and Politics, 1667–1683* / Ed. by J. R. Milton and Ph. Milton. — Oxford: Clarendon Press, 2006; *Locke J. Vindications of the Reasonableness of Christianity* / Ed. by V. Nuovo. — Oxford: Clarendon Press, 2012.

²⁶ *Hall R. and Woolhouse R. 80 Years of Locke Scholarship: A Bibliographical Guide.* — Edinburgh: Edinburgh University Press, 1983.

²⁷ *Attig J. C. The Works of John Locke: A Comprehensive Bibliography from the Seventeenth Century to the Present.* — Westport: Greenwood Press, 1985. URL: <http://www.libraries.psu.edu/tas/locke>.

²⁸ *Yolton Jean S. John Locke: A Descriptive Bibliography.* — Bristol: Thoemmes Press, 1998.

²⁹ *Some Familiar Letters between Mr. Locke, and several of his Friends.* — London, 1706.

³⁰ *Fox Bourne H. R. The Life of John Locke. Vols. I–II.* — London: Henry S. King & Co, 1876.

опубликовал «Переписку Джона Локка и Эдварда Кларка»³¹, а в 1931 г. уже упоминавшийся «набросок В» «Опыта о человеческом понимании». Вместе с «наброском А» Ричард Аарон и Джослин Гибб опубликовали в 1936 г. и отрывки из локковских дневников³². Новый материал был использован Аароном в его не потерявшей актуальности книге о Локке (первое издание 1937 г.)³³ а также в ряде последующих изданий, из них необходимо выделить публикацию Дж. Лафом (1953) дневников Локка, которые тот вел во Франции в 1675–1679³⁴.

* * *

Все перечисленные выше и последующие публикации отрывков, отдельных писем и рукописей, которые осуществлялись с начала XVIII в. и продолжаются вплоть до сегодняшнего дня, можно считать нормальной процедурой исторического исследования. Однако из этого «нормального» ряда выбивается публикация, на которой стоит остановиться подробнее, поскольку именно она стала *первой попыткой существенного изменения и серьезного расширения не только состава, но и содержания локковского «канона», принципы которого были заложены в упомянутом завещании самим Локком.*

Собственно говоря, именно эта публикация послужила основанием для целого ряда современных локковедческих интерпретаций. Речь идет о «Коллекции нескольких работ г-на Локка, никогда ранее не печатавшихся и не входящих в его „Труды“», вышедшей в 1720 г. под редакцией журналиста, переводчика и редактора, члена Лондонского королевского общества с 1720 г. Пьера Де Мезо – человека, близкого к Жану Ле Клерку и Антони Коллинзу³⁵. Во втором издании «Коллекции» в 1739 г. Коллинз даже назывался «руководителем» этой книги. Имя Коллинза появилось не случайно – в последние годы жизни Локк поддерживал с ним близкие отношения.

Де Мезо и Коллинз были уверены, что именно Локк – настоящий автор публикуемых работ. Питер Кинг не стал вмешиваться и не заявил протест, однако отказался помогать Де Мезо и Коллинзу, которые просили его предоставить им дополнительные материалы. Черчилли отказались включить приписанные Локку работы в выходявшие под эгидой их издательства «Труды» Локка³⁶. Тем не менее сочинения из «Коллекции» уже к середине XVIII в. вошли в локковский «канон», хотя тогда значение этого факта не было осознано должным образом. А в 1751 г. они все же были включены в пятое издание «Трудов» Локка и присутствовали во всех последующих изданиях вплоть до девятитомного двенадцатого (1824), ставшего основой для дальнейших многочисленных перепечаток и изданий.

В «Коллекцию» были включены два замечательных документа: «Основные законы Каролины» («The Fundamental Constitutions of Carolina», 1669/1670) и «Письмо знатного лица своему другу в деревне» («A Letter from a Person of Quality, to His Friend in the Country», 1675)³⁷.

³¹ Rand B. The Correspondence of John Locke and Edward Clarke. – Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1927.

³² An Early Draft of Locke's Essay together with Excerpts from his Journals / Ed. by R. Aaron and J. Gibb. – Oxford: Oxford University Press, 1936.

³³ Aaron R. /John Locke. – Oxford: Clarendon Press, 1937.

³⁴ Locke's Travels in France, 1675–1679, As related in his Journals, Correspondence & other papers / Ed. by J. Lough. – Cambridge: Cambridge University Press, 1953.

³⁵ A Collection of Several Pieces of Mr. John Locke, Never before Printed, or not Extant in his Works. Ed. Pierre Desmaizeaux. London, 1720. Иногда имена Ле Клерка и Де Мезо передаются, в том числе и западными исследователями, в слитной форме (Демезо и Леклерк), что, по-видимому, является следствием именно такого их написания в списках членов Лондонского королевского общества.

³⁶ The Works of John Locke. In Three Volumes. – London, 1714; 2nd ed. 1722, 3d 1727, 4th 1740, 10th 1801.

³⁷ The Fundamental Constitutions of Carolina // The Works of John Locke. Vol. IX. – London, 1824; Locke J. A Letter from a Person of Quality to his Friend in the Country; giving an Account of the Debates and Resolutions of the House of Lords, in April and May, 1675, concerning a Bill, intituled, an Act to prevent the Dangers which may arise from Persons disaffected to the Government //

Джин Иолтон в своем труде квалифицирует эти две работы как принадлежащие Антони Ашли Куперу, первому графу Шефтсбери, и ложно приписанные Локку, ссылаясь, в частности, на статью Дж. Милтона³⁸, а также на мнение Э. де Бира по поводу «Письма знатного лица»: «Де Мезо не приводит никаких доказательств для своего утверждения; нет никаких стилистических или внешних признаков для его обоснования»³⁹. Примерно того же мнения придерживается Джон Аттиг, говоря лишь о *возможном* участии Локка наряду с другими политическими советниками Шефтсбери⁴⁰. Джон Милтон и Филип Милтон однозначно отрицают авторство Локка и склоняются к тому, что автором был сам Шефтсбери. По их мнению, хотя Локк вполне мог принимать участие и, вероятнее всего, действительно участвовал в сочинении «Письма знатному лицу», «его роль была, по сути, второстепенной. „Письмо“ было написано по указаниям Шефтсбери и для его целей, и содержание письма отражает его взгляды, а не взгляды Локка»⁴¹.

Как пишет Ф. Милтон, «следует признать, что не существует неопровержимых свидетельств, связывающих его [Локка] с „Письмом“, – нет ни личных признаний, ни черновиков, написанных его рукой, ни неоспоримых современных ему подтверждений и никаких строк, которые были бы написаны только им. Свидетельства, которые у нас имеются, фрагментарны и исключительно косвенны: ни одно из них не имеет решающего характера, и не все указывают в одном и том же направлении»⁴².

К концу жизни Локка публике было хорошо известно, что именно он является автором целого ряда анонимных работ. Тем не менее вплоть до 15 сентября 1704 г. (дата составления кодицилла) Локк этого не признавал. Собственно говоря, сегодня мы приписываем авторство «Двух трактатов о правлении» Локку только на основании признания, которое было им сделано в дополнении к завещанию. Ласлет подчеркивает: «Без этого последнего... мы не имели бы ни одного прямого доказательства того, что он вообще написал эту книгу»⁴³. В кодицилле указаны и другие произведения, опубликованные Локком анонимно. Заметим, что все они, кроме «Двух трактатов» и латинской «Epistola de Tolerantia», так или иначе *оставили* следы в его архиве и позволяют произвести их однозначную атрибуцию и датировку.

Возьмем английский перевод «Epistola» – «Послание о толерантности» и «Разумность христианства». Критики называли их анонимного автора социнианином, унитарием и атеистом (т. е. еретиком, заслуживающим сурового наказания), и при этом все прекрасно знали, что их автор и автор последовавших за ними полемических «посланий» и «виндикаций» – Джон Локк. Кроме того, хотя «Разумность христианства» оказалась опасной работой, которую ставили в один ряд с подрывным трактатом Джона Толанда, Локк не прятал и не уничтожал следов, которые свидетельствовали бы о его авторстве. И в кодицилле он прямо назвал это произведение своим.

Посмертно изданный труд «Парафраза и примечания к посланиям св. Павла» прямо назывался Локком «своим» в письме Кингу. Больше того, о его публикации имелась договоренность с издателями Джоном и Оншемом Черчиллями, которым *поручалось опубликовать его, не раскрывая имени автора* (!).

The Works of John Locke. Vol. IX. – London, 1824.

³⁸ Milton J. R. John Locke and the Fundamental Constitutions of Carolina // Locke Newsletter. 1990. No. 21.

³⁹ The Correspondence of John Locke. Vol. II / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 664П.

⁴⁰ Attig J. C. The Works of John Locke: A Comprehensive Bibliography from the Seventeenth Century to the Present. – Westport, Conn.: Greenwood Press, 1985. p. 7.

⁴¹ Milton J. R. and Milton Ph. General Introduction // Locke, J. An Essay concerning Toleration, and Other Writings on Law and Politics, 1667–1683 / Ed. by J. R. Milton and Ph. Milton. – Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 114.

⁴² Ibid. P. 97.

⁴³ Laslett P. Introduction // Locke, J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 4.

Что касается «Основных законов Каролины» и «Письма знатного лица», то они не назывались ни в завещании, ни в кодицилле. В архиве Локка тоже нет ничего, что свидетельствовало бы о его авторстве. При жизни Локка и после его смерти никто, кроме Де Мезо и Коллинза, не считал его автором этих документов.

Тем не менее обе эти работы включены в современные сборники политических сочинений Локка, вышедшие под редакцией Д. Вуттона и М. Голди⁴⁴. При этом Вуттон склоняется к тому, что «Основные законы Каролины» – в основном работа Локка, в то время как «Письмо знатного лица» – в основном работа Шефтсбери, а Голди считает обе работы принадлежащими Локку. «Письмо знатного лица своему другу в деревне» включено и в одно из последних научно-критических изданий Локка. Таким образом, и «Основные законы Каролины», и «Письмо знатного лица» продолжают фигурировать как работы, принадлежащие локковскому «канону». Почему?

Причиной является то, что и Голди, и Вуттон придерживаются приблизительно одной концепции, берущей свое начало в уже упомянутом научно-критическом издании «Двух трактатов о правлении» под редакцией Питера Ласлета. Поразительно, как общая концепция может влиять на интерпретацию даже опровергающих ее документов, заставляя маркировать и их в качестве подтверждающих.

Суть концепции заключается в том, что политическая мысль Локка привязывается к конкретному историческому периоду, а именно «кризису исключения». Помимо этого, утверждается, что для понимания Локковых идей необходимо помнить о его близких отношениях с первым графом Шефтсбери, деятельность которого, особенно в последний период его жизни, якобы сыграла определяющую роль в формировании политических взглядов Локка и задает главный контекст создания «Двух трактатов о правлении». Вехами в этом «формировании» и служат, для последователей Ласлета, «Основные законы Каролины» и «Письмо знатного лица». Именно они позволяют «привязать» Локка к контексту Шефтсбери.

Но был ли Локк их автором? Доказать, что был, невозможно. Доказать, что не был, трудно. Но шанс все же имеется.

В 1871 г. вышла биография первого графа Шефтсбери, написанная У. Д. Кристи, в которой цитировался отрывок из письма Локка графу Пемброку от 28 ноября / 8 декабря 1684 г.⁴⁵ Кристи счел это письмо достаточным основанием для того, чтобы сделать вывод о том, что автором «Письма знатного лица» является Шефтсбери. Фокс-Борн счел его основанием для вывода о «политической невинности» Локка. Приведем несколько отрывков из этого письма:

«Меня часто удивляло, при том образе жизни, который я вел, и при том складе характера, который меня отличал... что меня сделали автором столь многих памфлетов, разве только по той причине, что из всей семьи милорда я более других имел дело с книгами. Я думал, что такое мнение обо мне излечат время и содержащиеся в нем противоречия и что наиболее подозревающие меня лица в конце концов перестанут приписывать мне сочинения, содержание и стиль которых, верю я (ибо никогда не видел памфлетов, которые мне приписывают), настолько сильно различаются, что вряд ли могли быть написаны одним и тем же автором, к тому же гораздо более способным человеком, чем я. <...> И что же это за странная судьба, наградившая меня репутацией далеко не самого последнего сочинителя, хотя я ничем ее не заслужил. Думаю, что два или три стихотворения, напечатанные под моим именем⁴⁶, не могли создать мне такой репутации. За этим исключением я решительно протестую и заявляю в при-

⁴⁴ *Locke J. Political Writings* / Ed. by D. Wootton. – Indianapolis: Hackett Publishing Company, 2003; *Locke J. Political Essays* / Ed. by M. Goldie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁴⁵ См.: *The Correspondence of John Locke. Vol. II* / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 661–666.

⁴⁶ Стихи-поздравления в адрес Кромвеля (1654), Карла II (1660), королевы Екатерины (1662). См.: *Locke J. Political Essays* / Ed. by M. Goldie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 201–04, 209–11. Действительно, на конец 1684 г. Локк не опубликовал ничего, кроме этих раболопных стихотворений.

существованию Бога, что не являюсь автором не только клеветы, но и какого бы то ни было печатного памфлета или трактата, доброго, злого или нейтрального. Мои всегдашние опасливость и робость в отношении публикаций, даже в вопросах весьма далеких от каких-то клевет и бунтарства, настолько хорошо известны моим друзьям, что многие из них могли бы, уверен, выступить моими компургаторами⁴⁷».

Аналогичное заявление Локк сделал в письме Э. Кларку от 22 декабря 1684/1 января 1685 г.⁴⁸

Разумеется, эти два письма Локка вызывают у современных историков разные оценки. Биограф Шефтсбери– К. Хейли считает, что Локк «темнил»⁴⁹. Р.Ашкрафт, для которого письма Пемброку и Кларку подрывали всю его концепцию Локка как радикала, дал еще более резкую оценку. Письмо Пемброку, пишет он в своей книге, «содержит так много виланий и прямой лжи, что... занимает уникальное место как самый недостоверный и один из самых загадочных текстов, когда-либо написанных Локком»⁵⁰. «Радикальная» позиция Р.Ашкрафта, во всяком случае, отличается последовательностью и отсутствием недоговоренностей. Если «Два трактата» были написаны в начале 1680-х гг. и если мы считаем полноценным автором этого труда Локка, то мы должны считать письма графу Пемброку и Эдварду Кларку спасительной ложью, а самого Локка – радикальным мыслителем, который был вынужден скрываться от властей в ссылке, а на гребне «славной» революции триумфально вернулся в Англию, достал спрятанное перед ссылкой сочинение и наконец опубликовал свой главный политический труд.

И Хейли, и Ашкрафт, приводя свои доводы, не обращают внимания на слова «*в присутствии Бога*». Локк не мог написать эти слова, не отвечая за них в полной мере.

Вернемся к письму: «Я никогда не делал ничего неподобающего против Его Величества или против правительства: в моей жизни не было ничего меня позорящего, и я не припоминаю ничего, что следовало бы расценить как правонарушение. Я никогда не состоял ни в каких подозрительных клубах или заговорщических кликах, был мало знаком и почти ни с кем не знался в доме, где происходило столь многое, а из тех немногих, с кем я водил дружбу, делал выбор в пользу людей книжных»⁵¹.

По словам Локка, его собственное состояние за время «столь долгого» пребывания в доме Шефтсбери почти не увеличилось, и теперь, пишет он, «получив столь мало пользы от службы ему при его жизни, я должен испытывать столь великие страдания теперь, когда он умер».

Вообще говоря, тезис о какой-то особенной дружбе Локка и Шефтсбери не получает подтверждения и основывается лишь на свидетельствах первых биографов – Жана Ле Клерка и Пьера Коста. Локк выполнял работу секретаря нескольких комиссий в период, когда Шефтсбери занимал пост лорда-канцлера, т. е. в начале 1670-х гг. Но был ли он его личным секретарем? Во многих работах, затрагивающих тему отношений Локка и Шефтсбери, отмечается также, что они даже обедали за разными столами: Локк был «приписан» к столу графского стюарда – Томаса Стрингера⁵², при этом за собственным столом Шефтсбери делил компанию

⁴⁷ Компургатор – по законам того времени, свидетель, очищающий обвиняемого от выдвигаемых против него обвинений клятвой в том, что считает его невиновным.

⁴⁸ The Correspondence of John Locke. Vol. II / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 671–675.

⁴⁹ Haley K.H.D. The First Earl of Shaftesbury. – Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 392–393. Приводится по: Milton, J.R., and Milton, Ph. General Introduction // Locke J. An Essay concerning Toleration and Other Writings on Law and Politics, 1667–1683 / Ed. by J.R. Milton and Ph. Milton. – Oxford: Clarendon Press, 2006. P. 112.

⁵⁰ Ashcraft R. Revolutionary Politics & Locke's "Two Treatises of Government". – Princeton: Princeton University Press, 1986. P. 121.

⁵¹ The Correspondence of John Locke. Vol. II / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press, 1976. P. 663.

⁵² См.: Milton J. R. Shaftesbury, First Earl, 1621–1683 // The Continuum Companion to Locke. Ed. by S.J. Savonius-Wroth-Wroth, P. Schuurman, J. Walmsley. – London – N.Y.: Continuum International Publishing Group, 2010.

со своим капелланом и школьным другом Локка Натанаелем Ходжесом⁵³. Известно также, что во время выездов в Уайтхолл Локк находился не в карете с патроном, а всю дорогу шел рядом с экипажем. В письме Локка Пемброку сквозит неприязнь к Шефтсбери, которая находит свое выражение и в меморандуме, который он составил перед смертью по просьбе третьего графа Шефтсбери.

Письма Локка Пемброку и Кларку многое говорят об отношении их автора к Шефтсбери. Но если признать, что *Локк не лгал* (а стоит ли предполагать иное?), то из этого следует, что он не имел прямого или вообще какого-либо отношения к составлению «Основных законов Каролины» и «Письма знатного лица». Раз и в кодифицированных работах не оказалось этих работ, это означает, что он был далек от процесса их создания, в лучшем случае выступал как переписчик или стенографист. Вспомним: Локку стоило немалых сил признать «своими» «Два трактата о правлении», но он все же это сделал.

Из письма Пемброку следует также, что «Два трактата о правлении» были написаны уже после смерти Шефтсбери. Но в таком случае на момент своего исключения из колледжа Крайст-Чёрч в конце 1684 г. Локк оказывается автором: 1) консервативных трактатов 1660–1662 гг., вероятно написанных по просьбе декана колледжа Крайст-Чёрч Джона Фелла; 2) плана лекций, которые фон Лейден назвал «Опытами о законе природы»; 3) «Опыта о толерантности» 1667 г. – переписанного набело рукой Локка некоего текста, вероятно служившего домашней заготовкой для продвигавшегося тогда лордом Ашли Купером (т. е. Шефтсбери) очередного «билля о снисхождении»; 4) совместных с Джеймсом Тиррелом заметок о только что вышедших публикациях Эдварда Стиллингфлита 1681 г. (до сих пор по какой-то причине опубликованных в крошечных фрагментах).

Необходимо помнить, что ни одна из этих работ не была опубликована при жизни Локка и даже их названия являются условными и придуманы позднейшими публикаторами. Локк никогда не собирался публиковать эти свои сочинения. Да и чего только не бывает в архивах! Если же «убрать» из «канона» приписанные Локку работы «Основные законы Каролины» и «Письмо знатного лица» и предположить, что «Два трактата» написаны уже после смерти графа Шефтсбери, то становится весьма сомнительным, что Локк когда-либо был теоретиком колониализма, идеологом вигов и радикалов, соратником Шефтсбери и активным участником политических баталлий и заговоров 1670-х – начала 1680-х гг.

Сомнительной оказывается и вся детально разработанная историографическая конструкция, толчком к созданию которой послужила поправка Де Мезо – Коллинза, фундаментом стала гипотеза Ласлета, а само здание с многочисленными и порой альтернативными выводами возвели многочисленные последователи Питера Ласлета в 1970-2000-х гг.

Все дальнейшее изложение, с одной стороны, представляет собой критический анализ современных историографических концепций (в том числе и выводов Ласлета), а с другой стороны, является попыткой иного взгляда на фигуру Локка и на контексты его политической мысли.

⁵³ Milton J. The Unscholastic Statesman: Locke and the Earl of Shaftesbury // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 177–178.

Шефтсбери и «кризис исключения»

Ни одно исследование наследия Локка не может пройти мимо издания «Двух трактатов о правлении» под редакцией, с предисловием и примечаниями Питера Ласлета, впервые опубликованного в 1960 г.⁵⁴ Читая предисловие Ласлета, ловишь себя на мысли, что оно написано человеком, не слишком симпатизирующим своему герою – например, в оценке записи Локка, посвященной Шефтсбери, в которой рассказывается о роли последнего в реставрации монархии и возвращении на трон Стюартов в лице Карла II.

«Последним литературным творением Локка, – пишет Ласлет, – стало жизнеописание, или оправдание, или Eloge, как говорили французы, его великого хозяина. Это был последний долг, который отдают образованные люди тем, кто сделал для них возможными литературную жизнь и жизнь мысли»⁵⁵. В этом «мемуаре» Локк не говорит ни слова о годах совместной работы с Шефтсбери, а выбирает известный эпизод, который он мог знать в деталях лишь по рассказам других людей или от самого Шефтсбери. Речь шла о парламентской делегации к Карлу Стюарту с просьбой взойти на английский трон. Локк познакомился с Шефтсбери в 1666 г., а описываемые в заметке, составленной по просьбе его внука, третьего графа Шефтсбери, события относились к 1660 г., когда Антони Ашли Купер, в свое время предавший Карла I, ставший сторонником парламента, республики, а затем Кромвеля, не просто перешел на сторону монархии, но принял активное участие в ее восстановлении, за что незамедлительно получил титул барона и пост лорда казначейства.

В словах Ласлета чувствуется и ирония, и моральная оценка. Говоря далее о «Двух трактатах о правлении», Ласлет отмечает, что значение этого сочинения Локка производно от его «Опыта о человеческом понимании», опубликованного в 1690 г.: «Со времени его [Локка] смерти связь с „Опытом“ была главной характеристикой „Двух трактатов“. Рассуждали так: крупный философ обращается к политике, поэтому написанное им должно представлять собой серьезную политическую философию»⁵⁶. Затрагивая тему анонимности и объясняя решение Локка не раскрывать себя в качестве автора «Двух трактатов», Ласлет говорит, что Локк боялся критики. «Критика всегда глубоко его задевала, что послужило одной из причин нежелания признавать авторство собственных книг, которые, как он полагал, могли стать предметом нападок»⁵⁷.

Ласлет начинает свое введение к изданию «Двух трактатов о правлении» с цитаты из письма Локка преподобному Ричарду Кингу, кузену Питера Кинга, от 25 августа 1703 г. Отвечая на вопрос о «кратчайшем и надежнейшем способе для юного джентльмена достичь истинного знания христианской религии в ее полном и точном виде», Локк, в частности, пишет: «Нигде я не нашел более ясного объяснения собственности, чем в книге, озаглавленной „Два трактата о правлении“»⁵⁸. Ласлет замечает: «Редко когда автор рекомендует одну из своих собственных работ в качестве руководства для юного джентльмена, стремящегося приобрести „понимание устройства правления и реальных интересов его страны“. Но еще реже человек, готовый сделать это, ставит свою собственную книгу в один ряд с „Политикой“ Аристотеля и „Церковной политикой“ Гукера, как если бы эта работа была написана кем-то другим, кого он

⁵⁴ *Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988.* Издание 1988 г. содержит ряд исправлений, которых нет во 2-м издании 1967 г., в том числе в предисловии и примечаниях, учитывающих исследовательскую работу сообщества локковедов в 1970-1980-х гг. и изменение некоторых оценок самого Ласлета.

⁵⁵ *Laslett P. Introduction // Locke, J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 37.*

⁵⁶ *Ibid. P. 38.*

⁵⁷ *Ibid. P. 38–39.*

⁵⁸ *The Correspondence of John Locke. Vol. VIII / Ed. by E.S. de Beer. – Oxford: Clarendon Press. 1981. P. 56, 58.*

не знает. И, наверное, уникально, когда это делается в письме к родственнику. Зачем вообще было скрывать это от человека, который, по всей вероятности, об этом знал?»⁵⁹ Ласлет отмечает, что аналогичная ссылка на собственную работу содержится в работе Локка «Некоторые мысли о том, что читать и изучать джентльмену» («Some Thoughts concerning Reading and Study for a Gentleman», впервые напечатана в «Коллекции» Де Мезо и Коллинза)⁶⁰.

По словам Ласлета, Локк «ненормальным, маниакальным образом» заметал следы, уничтожив все подготовительные материалы к книге, все ссылки на нее в своих бумагах, касающиеся ее композиции, издания и переиздания, а переговоры с издателем вел через третью сторону (Эдварда Кларка). Даже в каталоге своей библиотеки он обозначил эту книгу как анонимную.

В историографии Локка, помимо отмечаемого практически всеми историками вклада Ласлета в подготовку научнокритического издания «Двух трактатов о правлении», принято считать (можно даже сказать – стало общим местом), что это произведение было написано не в преддверии и не во время «славной революции» 1688–1689 гг., а раньше – в период политического кризиса, получившего название кризиса «исключения». Эта «поправка», на возможность которой впервые указали Де Мезо и Коллинз, означала для Ласлета, что обстоятельства возникновения Локковых концепций и их смысл требуют полного пересмотра. Главным было то, что, как считал Ласлет и затем его последователи, идеи «Двух трактатов о правлении» в этом случае связаны с политикой зарождавшейся в середине 1670-1680-х гг. партии вигов и ее лидера – первого графа Шефтсбери.

Одно упоминание имени Шефтсбери долгое время вызывало, да и сегодня нередко вызывает негативные ассоциации. Хитрый, ловкий политик, меняющий свои позиции и взгляды в зависимости от ситуации, не гнушающийся любыми средствами ради достижения своих политических целей и удовлетворения непомерного тщеславия, – все это всплывало в памяти, когда речь заходила о событиях трех периодов английской истории – гражданских войн и Республики, протектората и Реставрации. Что касается Локка, то его имя до сих пор ассоциируется с именем Шефтсбери. Локк был, по мнению многих исследователей, его «домашним философом»⁶¹, «проживавшим по месту службы идеологом»⁶², «личным мозговым центром»⁶³, «частью мозгового треста»⁶⁴, «находящимся на содержании интеллектуалом», «наемным интеллектом дома Шефтсбери»⁶⁵, наконец, его «человеком идей»⁶⁶.

Историки привычно отмечают также, что Локк якобы был не только мыслителем, но и человеком действия: курьером, передававшим тайные сообщения, заговорщиком и даже хирургом-любителем, осуществившим сложнейшую операцию по спасению своего патрона от смертельного недуга. Так или иначе, и особенно после издания Де Мезо и Коллинзом «неизвестных» произведений Локка, имя последнего оказалось неразрывно связано с именем и деяниями Шефтсбери.

И все же, как отмечает Джон Милтон, хотя судьбы этих двух людей и переплелись, их отношения не отличались близостью. «В любом случае есть что-то фундаментально неправдоподобное в предположении, что Локк или любой другой человек мог быть политическим совет-

⁵⁹ Laslett P. Introduction // Locke J. Two Treatises of Government / Ed. by P. Laslett. – Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 3.

⁶⁰ См.: Locke J. Some Thoughts Concerning Reading and Study for a Gentleman // Locke J. Political Essays / Ed. by M. Goldie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997.

⁶¹ Cranston M. John Locke and the Case for Toleration // John Locke: A Letter concerning Toleration in Focus / Ed. by J. Horton and S. Mendus. – London and N.Y.: Routledge, 1991. P. 79.

⁶² Parry G. John Locke. – N.Y.: Routledge, 1978. P. 5.

⁶³ Lloyd Thomas D. A. Locke on Government. – London and N.Y.: Routledge, 1995. P. 3.

⁶⁴ Haley K.H.D. The First Earl of Shaftesbury. – Oxford: Clarendon Press, 1968. P. 215.

⁶⁵ Dunn J. The Political Thought of John Locke: An Historical Account of the Argument of the “Two Treatises of Government”. – Cambridge: Cambridge University Press, 1969. P. 29, 212.

⁶⁶ Kenyon J. P. Stuart England. – London: Penguin Books, 1978. P. 8.

ником Шефтсбери. Ко времени, когда Локк вошел в его окружение, Шефтсбери был политиком, имевшим огромный и необычайно разнообразный опыт, и нуждался в политическом советнике не больше, чем Моцарт в советнике музыкальном. Некоторые советы ему действительно были нужны: медицинские, особенно касавшиеся перенесенной им в 1668 г. операции, юридические – и когда он занимал пост лорда-канцлера, и когда был арестован в 1681 г. Однако вокруг него было множество экспертов, гораздо лучше Локка разбиравшихся в этих вопросах, и разумно предположить, что и Локк, и Шефтсбери это понимали»⁶⁷.

Об отношениях, которые в принципе могли или не могли сложиться между Локком и Шефтсбери, лучше всего, пожалуй, говорят биографии этих двух очень разных людей и история их деяний. Начнем с Шефтсбери.

* * *

Антони Ашли Купер родился 22 июля 1621 г. в Дорсете, в богатой аристократической семье. Рано остался без родителей, воспитывался опекунами, недолго учился в Оксфорде, затем в юридической школе Линкольнз-Инн. В 1639 г. женился на дочери лорда-хранителя печати Томаса Ковентри Маргарет, а поскольку сестра его жены вышла замуж за Уильяма Савиля, отца Джорджа Савиля, первого маркиза Галифакса, то благодаря этим двум обстоятельствам Купер с самого начала своей карьеры оказался в центре политической жизни.

В первый период гражданской войны он не спешил вставать на чью-либо сторону, затем ненадолго принял сторону короля, тут же наградившего его рядом незначительных должностей, но затем, в феврале 1644 г., перешел на сторону парламента, объяснив это тем, что, по его мнению, роялисты не намерены защищать протестантскую религию и английские свободы. Сделав это, он рисковал своими владениями в Дорсете, Сомерсете и Уилтшире, оставшимися за линией, разделявшей две армии.

После смерти Маргарет в 1650 г. Купер женился на леди Франсес Сесил. В этом браке родился его сын Антони Ашли, будущий второй граф Шефтсбери. Вскоре после казни Карла I Купер стал мировым судьей Уилтшира и Дорсета, а затем уполномоченным (комиссионером – commissioner) по сбору налогов в этих графствах. В феврале 1650 г. он принял «торжественное обязательство» и поклялся в лояльности республике. В 1652 г. вошел в так называемую комиссию Хейла, занимавшуюся разработкой новой конституции, возможно, в качестве представителя самого Кромвеля. В 1653 г., после военного переворота и разгона «Охвостья», был назначен представителем Уилтшира в «Бербонском» (другие названия – «назначенный», «малый») парламенте, в июле стал членом госсвета и в августе его председателем. В декабре 1653 г., после падения Бербонского парламента, был назначен одним из пятнадцати членов госсвета, сформированного согласно конституции протектората – «Орудия управления».

Новая конституция «Орудие управления» рассматривала государственный совет в качестве ключевого элемента правительства, по сути дела – как противовес единоличной власти лорда-протектора и своего рода рычаг «управляемой монархии». С точки зрения Купера, режим нуждался в совершенствовании, по сути дела – в доведении до состояния, в котором он находился до начала гражданских войн, в частности, через воссоздание палаты лордов из представителей наследственной аристократии. Что касается Кромвеля, то он, скорее, использовал госсвет тогда, когда в нем возникала потребность, а в остальных случаях игнорировал. Идейным вдохновителем режима был генерал Уильям Ламберт.

В сентябре 1654 г. Купер был избран членом первого парламента протектората от Уилтшира. Согласно «Орудю управления», однопалатный парламент должен был собираться раз

⁶⁷ Milton J. The Unscholastic Statesman: Locke and the Earl of Shaftesbury // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury, 1621–1683 /Ed. byj. Spurr. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 180.

в три года; госсовет должен был контролировать его состав, отсеивая тех, кого считал нежелательным, имея в виду прежде всего «республиканцев», таких как Артур Хеселридж и Томас Скот, бывших членов «Охвостья» и других депутатов оппозиционных взглядов. Купер считался претендентом на пост канцлера, поскольку дружил с одним из сыновей Кромвеля – Генри Кромвелем и был близок к самому лорду-протектору.

Вопрос об избрании/наследовании следующего лорда-протектора обсуждался в парламенте в течение 1654 г. Высказывалось мнение, что протектора не обязательно называть королем, однако сам пост необходимо сделать наследственным. Это предложение высказывал и автор «Орудия управления» Ламберт, реальный претендент на пост следующего лорда-протектора. В декабре 1654 г. Купер поддержал предложение сделать Кромвеля королем (королем Оливером I, первым из династии Кромвелей), в попытке – как он позднее, уже при Карле II, объяснял свою позицию – сохранить парламент и погубить лорда-протектора. Однако на самом деле им двигало разделявшееся многими ощущение, что протекторат, не имевший (в отличие от системы «смешанной монархии») механизма сдержек и противовесов, может привести к тирании. После отказа Кромвеля возложить на себя корону Купер, не желая проигрывать соперничество с Ламбертом, присоединился в январе 1655 г. к парламентской оппозиции, а после роспуска парламента тихо, без скандала удалился в свое родовое поместье, сложив с себя также и полномочия члена государственного совета.

В 1655 г. Купер женился, в третий и последний раз, на Маргарет Спенсер, сестре первого графа Сандерленда и племяннице четвертого графа Саутгемптона. Благодаря этой женитьбе он стал родственником второго графа Сандерленда (члена Лондонского королевского общества с 1662 г.). В сентябре 1656 г. был избран от Уилтшира во второй парламент протектората, однако госсовет запретил ему и еще сотне депутатов участвовать в его работе. В 1657 г. парламент принял новую конституцию – «Покорнейшую петицию и совет», согласно которой исключенные депутаты могли занять свои места в парламенте. 28 января 1658 г. Купер присягнул на верность новому протектору, однако выступил против создания второй парламентской палаты, вступив тем самым в ряды «республиканской» оппозиции, которая вынудила Кромвеля спустя несколько дней распустить парламент.

Годом позже Купер вновь стал депутатом от Уилтшира в парламенте, созванном уже Ричардом Кромвелем, выступив в дебатах по биллю о признании сына Кромвеля новым протектором, – биллю, который ограничивал власть протектора над армией и процессом формирования «верхней палаты». Купер выступил против «новых пэров» Кромвеля и поддержал включение в палату аристократов, потерявших депутатские места еще в феврале 1649 г.* После падения протектората и восстановления «Охвостья» был назначен членом госсовета в числе десяти недепутатов.

В конце октября госсовет был заменен на армейский Комитет безопасности. «Республиканцы» выступили против роспуска «Охвостья» генералом Ламбертом и за восстановление регулярных созывов парламента. Купер был арестован, но отпущен под честное слово, дав заверения, что не планировал поднять мятеж на юго-западе Англии. (На самом деле мятеж планировался в Лондоне.) План заговора, включавший захват Тауэра от имени госсовета, не был реализован, однако 16 декабря Купер вместе с другими бывшими членами госсовета опубликовал открытое письмо командующему армией в Шотландии генералу Монку, призвав его вторгнуться в Англию и восстановить мир и «Охвостье» как единственную законную власть.

Несмотря на то что «Охвостье» было к концу года восстановлено, Купер продолжал поддерживать отношения с Монком. В начале 1660 г. он занял свои места в новом госсовете и в парламенте. В середине февраля 1660 г. сумел убедить Монка⁶⁸ помочь возвращению членов

⁶⁸ В период Реставрации Джордж Монк стал первым герцогом Албемарлем и членом Лондонского королевского общества (в 1665 г.).

Долгого парламента. После того как это было сделано, Купер был назначен в новый госсовет, образование которого привело к роспуску Долгого парламента, переговорам с Карлом Стюартом и созыву конвента. В мае палата общин поручила Куперу отправиться в Гаагу и ждать там Карла, а когда тот прибудет, предложить ему вернуться в Англию.

27 мая 1660 г. Купер вошел в Тайный совет, заседал в различных комитетах (включая совет по торговле), выступал от имени правительства в конвенте, участвовал в работе комиссии по царевубийцам. В апреле 1661 г. он был возведен в бароны Ашли, а в мае стал канцлером казначейства. В 1660–1667 гг., при лорде-канцлере графе Кларендоне, Купер продолжил карьерный рост, используя связи с государственным казначеем лордом Саутгемптоном и интригуя при дворе вместе с Бекингемом, Лодердейлом и Беннетом (позднее Арлингтоном) против Кларендона.

В 1662 г. лорд Ашли убедил Карла выступить с Декларацией о снисхождении, в 1664 г. лоббировал смягчение Акта о тайных собраниях, а в 1665 г. присоединился к Саутгемпτονу, возражавшему против Акта о пяти милях. Все эти действия были направлены против политики правительства Кларендона.

После целого ряда поражений в войне 1664–1667 гг. с Нидерландами, а также, начиная с 1666 г., с Францией и потери колониальных владений в результате унижительного мирного договора, Карл II сформировал новое правительство, названное «кабальным» (Cabal) по первым буквам главных министров – Клиффорда (в скором времени главного координатора партии «двора» в палате общин), Арлингтона, Бекингема, Ашли и Лодердейла.

В 1670 г. Карл II заключил в Дувре тайный пакт (своего рода секретные протоколы к официальному Дуврскому договору) с Людовиком XIV, в котором обязался в обмен на французские субсидии в 2 миллиона ливров и военную помощь в 6 тысяч французских штыков не только присоединиться к Франции в войне с Нидерландами, но и объявить о своем переходе в католицизм и начать «рекатолизацию» Англии. В случае успеха военной кампании Карл получал несколько голландских городов, а Вильгельму Оранскому отводилась роль марионеточного правителя.

По мнению современных историков, о секретной части договора были осведомлены только католик Клиффорд и сочувствовавший католикам Арлингтон. Считается, что Шефтсбери, хотя и занимал пост лорда-канцлера, ничего не знал о французских субсидиях. И все же именно Шефтсбери 2 января 1672 г. приостановил операции казначейства, чтобы, избавившись от необходимости выплаты процентов по долгам, государство могло начать вместе с Францией войну против Нидерландов в нарушение ранее заключенного Тройственного альянса (Англии, Нидерландов и Швеции, 1668 г.).

При Шефтсбери 15 марта 1672 г. с помощью королевской прерогативы де-факто была введена в действие Декларация о снисхождении, необходимая накануне начавшейся уже через два дня войны с Нидерландами. Это был способ избежать протестантских заговоров и мятежей внутри страны, чтобы, по словам Карла II, «сохранить мир дома». Нонконформистам была разрешена свобода отправления богослужений при условии получения лицензий на религиозную деятельность и на моленные дома. Католикам, которые освобождались от действия карательных законов, разрешалось проводить богослужения в частных домах. Всего за период действия Декларации было выдано более 1500 лицензий (939 пресвитерианам, 458 индипендентам и 210 баптистам), началось строительство молельных домов. Король помиловал около 500 диссентеров, которые были выпущены из тюрем. Однако срок действия Декларации 1672 г. оказался недолгим.

По мнению Пола Сиварда, смысл Декларации о снисхождении 1672 г. заключался не только и даже не столько в том, чтобы решить сиюминутные проблемы, связанные с войной. Речь шла о том, чтобы попытаться изменить принципы того политического урегулирования, которое было достигнуто после 1660 г. Несмотря на неоднократные попытки короля и его

советников (возможно, главной движущей силой здесь был Шефтсбери) смягчить принимавшиеся в рамках «кодекса Кларендона» репрессивные акты, сделать это не удавалось из-за противодействия парламента. Решающую роль в парламенте играл союз «кавалеров» и епископов, заключенный после всеобщих выборов весной 1661 г., на которых одержали победу «кавалеры и сыновья кавалеров» (т. е. бывшие роялисты и их потомки). Всякий раз, начиная с этого времени, король и его советники (первым из которых в этом качестве выступил Кларендон) наталкивались на сопротивление церкви и парламента.

За неделю до принятия Декларации о снисхождении 1672 г. состоялось известное заседание Комитета по иностранным делам, на котором присутствовали король, герцог Йоркский, принц Руперт, графы Лодердейл и Арлингтон, лорд Ашли и лорд Томас Клиффорд. На вопрос короля, имеет ли он законное право изменять церковный закон, все единодушно заявили, что да, имеет. После принятия Декларации в течение нескольких дней Лодердейл получил титул герцога, Арлингтон – графа, Ашли – графа Шефтсбери, а Клиффорд стал бароном. После того как в ноябре Шефтсбери получил пост лорда-канцлера, Клиффорд стал лордом-казначеем. В заседаниях парламента был объявлен перерыв до сентября 1672 г., а затем перерыв был продлен до февраля 1673 г.

На заседании Комитета по иностранным делам Клиффорд при поддержке Шефтсбери напомнил о возможности создания поста генерального викария. Пост генерального викария, или генеральный викариат, существовал в Англии при Генрихе VIII. В январе 1535 г. Генрих назначил на этот пост, пользуясь принятым в 1534 г. Актом о супрематии, Томаса Кромвеля, чтобы тот мог начать инспекцию церковного имущества. Ревизия, делегированная далее комиссионерам, заложила основы для ликвидации монастырей, начавшейся в 1536 г. В сентябре 1535 г. король лишил архиепископов права осуществлять свою власть в церкви, и к 1536 г. викариат стал инструментом, который позволял короне вмешиваться в большинство церковных вопросов.

После смерти Томаса Кромвеля пост генерального викария потерял свое значение, однако сохранился сам пример того, каким образом можно было толковать и применять Акт о супрематии. В принципе Акт о супрематии давал королю почти неограниченный контроль над делами церкви. Прецедент делегирования власти Кромвелю в обход парламента говорил также о возможности полного и единоличного контроля над церковью. Елизаветинский Акт о супрематии 1559 г. предоставлял короне все права, аналогичные правам викариата, в том числе касавшиеся сбора средств в случае начала войны, и, хотя после его принятия права были делегированы церкви, ими мог быть наделен и мирянин (т. е. генеральный викарий).

В Декларации 1672 г. не было ни слова о генеральном викариате, однако почти через два года после отмены Декларации эта идея вновь всплыла на поверхность, о чем пойдет речь ниже.

В феврале 1673 г., несмотря на заявление выступившего в парламенте короля о том, что он будет «очень, очень разочарован, если встретит противодействие тому, что он сделал...», и несмотря на его слова: «...и скажу вам прямо, я полон решимости отстаивать мою Декларацию», – палата общин 10 февраля приняла решение, что «законы о наказаниях в делах церковных не могут приостанавливаться иначе, как посредством парламентских актов»⁶⁹. В марте 1673 г. по настоянию парламента Карл II отменил действие Декларации. В том же 1673 г. парламент вынудил короля принять Акт о проверке на лояльность, требовавший от всех занимающих светские и военные должности лиц принести клятвы в верности, в признании супрематии короля и принять англиканское причастие. Этот акт был направлен на исключение католиков из государственной службы: его первой жертвой стал брат короля герцог Йоркский, за ним последовал Клиффорд.

⁶⁹ См.: *Seaward P. Shaftesbury and the Royal Supremacy // Anthony Ashley Cooper, First Earl of Shaftesbury: 1621–1683 / Ed. by J. Spurr. – Farnham: Ashgate Publishing, 2011. P. 64.*

Что касается принца Оранского Вильгельма, то в результате начавшейся войны он действительно встал во главе государства, но не в качестве марионетки, а как независимый военный и политический деятель, поднявшийся к власти на волне сопротивления вторжению и падения неэффективного правительства Яна де Витта. Успешные военные действия Вильгельма на море и на суше привели к тому, что пункты секретного Дуврского пакта оказались невыполненными и на какое-то время повисли в воздухе, а Карл II в феврале 1674 г. был вынужден подписать мирный договор с Вильгельмом, в котором Англия заявляла о своем выходе из военного альянса с Францией. Более того, в 1678 г. Вильгельму удалось заключить Нимвегенский мирный договор, упрочивший его позиции в Европе и сделавший Нидерланды главным соперником Франции.

Шефтсбери потерял пост лорда-канцлера в ноябре 1673 г., однако его отставка не сопровождалась охлаждением к нему короля, который, в условиях нараставшей оппозиции со стороны парламента, видел две возможные стратегии своего дальнейшего правления.

Первую стратегию «воплощал» Томас Осборн, ставший в июне 1673 г. лордом-казначеем вместо Клиффорда, а еще через год получивший титул графа Данби. В конце 1674 – начале 1675 г. эта стратегия виделась королю как союз с епископами и проведение политики «единообразия» в обмен на лояльность парламента и регулярное пополнение казны.

Возможность *второй стратегии* воплощал Шефтсбери с его и Клиффорда идеей викариата и восстановления полной королевской супрематии. Власть над церковью мирянина могла принести немало средств в казну через ревизию церковного имущества, а также поборы с диссентеров, которые должны были платить за толерантность. Ходили слухи, что в январе 1675 г. к Шефтсбери, удалившемуся в Дорсет, приезжал лорд Мордонт (второй граф Петерборо), представлявший не то короля, не то герцога Йоркского, не то группу политиков «пресвитерианской и индипендентской фракций», с неким предложением. Говорили также, что Шефтсбери займет пост лорда-наместника Ирландии или генерального викария.

В реальность уже в феврале 1675 г. воплотилась первая стратегия. В принципе, первая стратегия не запрещала создание поста генерального викария, правда с урезанными полномочиями, однако Шефтсбери в ходившем по рукам письме к графу Карлайлу написал, что «не такой дурак», чтобы занять пост со странным названием прежде, чем будет избран новый парламент. Действительно, стратегия «викариата», которую предлагал Шефтсбери, могла осуществиться лишь при условии роспуска парламента «кавалеров», выборов и созыва нового парламента, способного принять новый или подтвердить старый Акт о супрематии в обмен на закон о толерантности.

Шефтсбери не был диссентером и считал епископат наилучшим и наиболее подходящим для Англии способом управления церковью. К тому же он был прилежным прихожанином, в его собственном доме проводились традиционные ежедневные молебны, по воскресеньям богослужения, а «домашние» причащались трижды в год. Впрочем, противники или даже не очень симпатизировавшие ему люди (такие, как Гилберт Вернет) впоследствии писали, что вера его была поверхностной, скорее деистического толка, а интересы склонялись к астрологии⁷⁰. Но при этом Шефтсбери был политиком, и пост генерального викария обеспечивал ему, в случае избрания нового, лояльного парламента, власть и над правительством, и над церковью. Однако король посчитал более подходящим союз со старым парламентом «кавалеров» и епископов.

В связи со всей этой историей представляет интерес судьба главного министра графа Данби, врага Шефтсбери, который начиная с 1674 г. предпринимал активные шаги, направленные на выход Англии из орбиты Франции. Можно сказать, что тори и церковь хорошо

⁷⁰ Примечательно, что сам Гилберт Вернет, ставший при Вильгельме III епископом Солсберийским, был избран в 1664 г. членом Лондонского королевского общества.

понимали ситуацию, связанную с престолонаследием, и пытались найти выход. В 1677 г. Данби устроил заключение брака между старшей дочерью Йорка пятнадцатилетней принцессой Марией и ее кузеном статхаудером Вильгельмом Оранским, а в 1678 г., заключив союз с Нидерландами, чуть было не довел дело до войны с Францией. Еще одним шагом Данби стало предложение законодательно ограничить власть «папистского» преемника (т. е. Йорка), наделив епископов правом назначения кандидатов на все церковные должности, что, по сути дела, означало прекращение королевской супрематии в церкви в той мере, в какой она существовала по Акту 1559 г.

Предложение Данби не было принято, поскольку натолкнулось на оппозицию со стороны парламентской партии вигов во главе с Шефтсбери. Парламент отверг предложение Данби и церковной партии на том основании, что оно подрывает монаршую власть. Примечательно, что в стремлении церковной партии получить независимость от короны виги усмотрели «папизм». В декабре 1678 г. палата общин предприняла попытку импичмента Данби, обвинив его в нарушении «старого порядка», создании постоянной армии, секретных переговорах с Францией, получении взяток от французского короля (о чем на заседании парламента рассказал английский посол во Франции Ралф Монтегю) и воспрепятствовании расследованию дела о «папском заговоре». В 1679 г. политическая карьера главного министра завершилась арестом и заключением в Тауэр, а карьера Шефтсбери, казалось, могла вновь начаться после ее заката в 1673 г.

Что же происходило с Шефтсбери после его отставки с поста лорда-канцлера? Звезда Шефтсбери закатилась в ноябре 1673 г. Причины этого не вполне ясны, но дело было не в отстранении от власти, поскольку еще несколько месяцев после этого он оставался членом Тайного совета и лордом-наместником Дорсетшира.

Проводившаяся им политика шла в русле общего курса Карла II на сближение с Францией и конфронтацию с Нидерландами. В декабре 1670 г. Шефтсбери подписал договор с Францией против Нидерландов. В марте 1672 г. горячо поддержал Декларацию о снисхождении. В апреле 1672 г., после того как началась третья англо-голландская война, получил титул графа Шефтсбери и барона Купера Полетского. В сентябре 1672 г. занял пост председателя объединенного Совета по торговле и плантациям. В феврале 1673 г. выступал в парламенте уже в качестве лорда-канцлера, сделав громкое заявление о том, что «Карфаген должен быть разрушен», имея в виду под Карфагеном протестантские Нидерланды, и что одна лишь Англия стоит на пути голландской «универсальной империи», по своей силе сравнимой с империей Римской.

По мнению его внука, третьего графа Шефтсбери, за спиной первого графа в это время стоял Локк, подсказывавший, что и как говорить (это, конечно, была попытка обелить своего деда, а поскольку доступ в парламент для лиц, не состоявших его членами, был запрещен, слова третьего графа не следует понимать буквально). Однако в любом случае в течение всего периода с 1660 по 1674 г. Нидерланды изображались в правительственной пропаганде как аморальное государство, голландцы – как жадный, неблагодарный, жестокий и ненадежный народ, а сама страна – как далекая от истинной веры и представляющая угрозу для христианского мира.

И все же именно после отставки позиция Шефтсбери изменилась кардинальным образом. В 1674 г. Шефтсбери проявил себя как борец с «папством» и католическим престолонаследием, произносил речи в палате лордов об опасности папистских мятежей. Вместе с Бекингемом, Галифаксом, Карлайлом, Холлисом и Солсбери он предложил билль, согласно которому будущие дети герцога и герцогини Йорк должны были воспитываться как протестанты, а любой монарх или принц/принцесса не могли вступать в брак с католиком/католичкой без согласия парламента – под страхом исключения из порядка престолонаследия. Нападки на Йорка привели к тому, что король объявил перерыв в работе парламента и приказал Шефтсбери покинуть Лондон. В мае 1674 г. Шефтсбери потерял место в Тайном совете.

Предложения об «ограничениях» в порядке и правилах престолонаследия выдвигались в это время и Данби. Таким образом, речь шла о личном соперничестве с новым главным министром. В ноябре 1675 г. появилось «Письмо знатного лица», приписанное в общественном мнении бывшему лорду-канцлеру. В нем выражалось крайнее разочарование результатами реставрации, вылившимися в образование группы лиц (прежде всего высших епископов и их представителя графа Данби), «которые собираются подавить все надежды», «объявить правительство абсолютным и деспотическим и сделать монархию и епископат, подлежащими власти *jure divino*, не связанными и не ограниченными людскими законами», превратить их «лишь в инструменты обогащения», что при поддержке постоянной армии приведет к потере власти парламентом и нарушит традиционный конституционный баланс, сделает невозможным общее благо, поставит под угрозу свободу граждан и вызовет к жизни «старые ссоры». Кроме того, говорилось в «Письме», преследуя диссентеров-протестантов, это правительство не трогает «папистов», которых по каким-то причинам считает лояльными. В «Письме знатного лица» далее выражается удивление, что король позволяет «новой партии» склонять себя к ложным законодательным актам и прислушивается к советам сомнительных «советников»⁷¹.

«Письмо», в частности, стало реакцией на попытку графа Данби провести через парламент новый билль о проверке, по которому все государственные чины и члены обеих палат должны были выступить со специальной декларацией и дать обязательство не оказывать сопротивление королю или назначенным им лицам и никогда не стремиться изменить систему правления в церкви и государстве. Шефтсбери, Галифакс и другие пэры подвергли это предложение критике, заявив, что могут возникнуть ситуации, когда законной мерой будет как раз *сопротивление лицам, назначенным королем*, а клятва, касающаяся неизменения, направлена против самой природы парламента, который просто обязан заниматься «изменениями».

«Письмо» обращено, разумеется, к королю, который, возможно, прислушается к советам знатных и лояльных подданных и сделает правильные выводы относительно правительства, советников-епископов и парламента; в противном случае «народ» может взбунтоваться и повторятся события недавнего прошлого. «Письмо знатного лица» стало также своего рода образцом, лекалом, по которому были скроены многочисленные, хлынувшие как волна памфлеты вигов, следовавших одной и той же тактике переубеждения короля и давления на правительство.

Уже в 1676 г. в свет вышла масса памфлетов, предупреждавших англичан о возможности «папства и рабства» и необходимости смены попавшего под влияние папства парламента. Правительство расценивало их как попытку свергнуть страну в новую гражданскую войну. По мнению правительства, развернувшего собственную пропагандистскую кампанию, тактика Шефтсбери и вигов, прибегавших к петициям, шествиям и антикатолической пропаганде, была поразительно похожа на тактику Джона Пима и парламентской оппозиции в 1641 г. Истинной целью вигов, как и пуритан в парламенте 1640-х гг., являлось, по мнению правительства, уничтожение национальной церкви.

Кроме того, правительственные пропагандисты проводили прямую аналогию не только между вигами и республиканцами, но и между теми и другими вместе взятыми и... опять же папистами. Подобно тому как политика пуритан, доказывали они, привела к разрушению епископальной церкви и казни короля (а именно в этом состояли цели, которые ставило перед собой папство), так политика вигов вела к подрыву англиканской церкви и насильственной ликвидации протестантской монархии. Попытки провести толерантное законодательство, по мнению тори, на самом деле имели целью восстановление в Англии папской власти, а оправдание сопротивления было не чем иным, как проведением папистского принципа смещения королей в случае их неповиновения.

⁷¹ См.: *Locke J. Political Essays* /Ed. by M. Goldie. – Cambridge: Cambridge University Press, 1997. P. 360–365.

15 февраля 1677 г., когда парламент наконец собрался после пятнадцатимесячного перерыва, Шефтсбери, Бекингем, Уортон и Солсбери с разной степенью прямоты заявили, что парламент, не заседавший столько времени, не может считаться законным и подлежит роспуску. В результате все они были осуждены особым судом палаты и заключены в Тауэр. Летом трое из них были отпущены на свободу, а Шефтсбери пришлось просидеть до 25 февраля 1678 г., пока он не обратился к королю и парламенту с прошением о помиловании, после чего был немедленно освобожден.

После откровений Титуса Оутса в августе 1678 г. о существовании «папского заговора» с целью убийства Карла II Шефтсбери прибыл в Лондон и вернулся в публичную политику на волне разразившегося скандала, ставшего началом целого исторического периода и получившего название «кризис исключения».

По показаниям Оутса, иезуиты собирались отправить своих агентов в Шотландию под видом пресвитерианских пасторов, поднять католический мятеж в Ирландии, убить короля и других членов королевской семьи, сжечь дотла Лондон и другие крупные города, устроить массовую резню протестантов и, наконец, обратить вспять английскую реформацию и восстановить господство римско-католической церкви. Поставив во главе государства герцога Йоркского, они, по словам Оутса, собирались организовать вторжение войск Людовика XIV.

В январе 1679 г. парламент «кавалеров» был распущен, главный министр Данби обвинен в секретных переговорах с Францией. В стране началась инициированная вигами открытая дискуссия о том, кто должен стать наследником престола. В середине мая 1679 г. в новоизбранной палате общин лорд Уильям Рассел огласил билль об исключении герцога Йоркского из числа наследников престола. Не желая даже обсуждать этот вопрос, Карл II объявил сначала о перерыве в работе парламента, а затем о его роспуске и новых выборах, которые прошли осенью 1679 г. В ответ на раздувавшееся вигами дело о «папском заговоре» католики попытались представить свидетельства о «пресвитерианском заговоре», что, однако, в тот момент не было принято всерьез.

Наконец, после почти десяти лет, в течение которых удавалось хранить тайну, в январе 1679 г. пошли слухи, что Карл получает деньги от Людовика. В 1678–1679 гг. король начал увеличивать численность постоянной армии якобы для войны с Францией, однако, тоже по слухам, это делалось для оказания помощи Людовику в планируемой им и Карлом оккупации Англии. Распространялся также слух, что «папский заговор» и репрессии против католиков Карл II использовал для того, чтобы обмануть общественное мнение и парламент и отвлечь их от своих истинных планов.

Оппозиционная группа вигов заявила о своих целях – борьбе с угрозой папства и авторитарного правления. Борьба эта велась в парламенте (билли об «исключении» вносились также на парламентских сессиях в октябре 1680 г. и в марте 1681 г.), в прессе, с помощью митингов и шествий, подачи петиций. Оппозиция требовала реформ в церкви и государственном устройстве, а также облегчения положения неконформистов, в частности отмены Акта 1593 г. о «подрывном сектантстве». Епископов называли церковными папистами за то, что они выступали против «исключения» герцога Йоркского из числа наследников, расширения прав парламента, а также за то, что они поддерживали гонения на диссентеров. Противники вигов, защищавшие принцип наследственного права, были названы партией тори.

Эти названия – «виги» и «тори» – были даны противниками друг другу, носили оскорбительный характер и означали соответственно шотландских пресвитериан-бунтовщиков (whiggamores) и ирландских католиков – угонщиков скота (toraighe). Но в целом тори защищали святость и неприкосновенность короны и англиканскую церковь, в то время как виги говорили о необходимости ограничения монархии и критиковали церковный истеблишмент. При этом тори считали вигов большей опасностью, чем прокатолический дом Стюартов, поскольку, с их точки зрения, виги представляли собой агентов папской подрывной политики,

направленной на раскол нации, и были своего рода «пятой колонной», состоявшей из предателей родины и веры и находившихся на службе у Людовика или султана Сулеймана. По убеждению тори, лишь сплочение вокруг короля могло придать ему достаточно сил, чтобы оказать сопротивление врагам Англии.

История двух партий началась с середины 1675 г., но лишь в 1690-х гг. борьба между ними стала политическим фактором, а сами они обросли соответствующей понятию партии политической амуницией – клубами, лоббирующими группами, памфлетами, петициями, трактатами, предвыборными активистами, сочинителями писем, проповедниками и подстрекателями, бойкотами и слухами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.